

◆ пролог →

Черный ящик, фикция и три палача

— Скажите, Элеонора, что вас вдохновило на эту книгу?

Эля слегка опускает голову и тянется левой рукой к правой стороне шеи. Она понятия не имеет, как такой жест растолковали бы специалисты по паралингвистике, да и знатоки из «Что? Где? Когда?» не смогли бы определить, что в черном ящике ее эмоций прямо сейчас. Говорят, что правду легче всего сказать в шутку, а ей кажется, проще о ней написать песню, короткий емкий твит или целую книгу — она порой использует все возможные опции — про то, что вслух не произнесешь, даже наедине с собой.

— Жизнь. — Эля пожимает плечами, прекрасно понимая, что так отвечает каждый первый. — Она подкидывает такие сюжеты, что любая фантазия уступает.

— Значит, книга основана на реальных событиях? — Модератор презентации на секунду запинаясь, словно решает в своей голове сложное уравнение совести, но сдается и продолжает: — Из вашей собственной жизни?

Эля усмехается, приоткрывает рот, чтобы ответить, но на выдохе снова получается только смешок — и никаких слов. Она чувствует, как все ждут ответ, как пристально смотрят из зала виновники торжества — ничья история ведь не идет в одиночку. Так и эта книга выросла из переплетений и перекрестков, из судеб людей, которых не хотелось бы обидеть вот такой нелестной правдой, упакованной в твердый переплет с сентиментальным названием «По ветру».

— Вся жизнь, которая хоть как-то со мной соприкасается, — моя, так что ответ на ваш вопрос: да. — Зал то ли охает, то ли гудит в предвкушении. Есть особое наслаждение в том, чтобы украдкой заглянуть в чужую жизнь. И книги — идеальный инструмент, ведь автор вроде как сам разрешил. — Но это не мемуары и не автобиография, это — фикция.

Саркастичное хмыканье она даже не слышит — рисует в своей голове. Потому что знает, что там, в зале, кое-кто сейчас именно так и сделал. Другой человек сгорбился, прячась в воспоминаниях, как в броне. Третий — улыбнулся. Три ее личных зрителя и палача ждут, что она скажет дальше.

Весь остальной зал ожидает того, что она никогда не произнесет.

Модератор сверяется с планшетом и продолжает:

— История начинается в родительском доме Стрельцовых...

Святое место, самодостаточный Хьюстон и клятая доставка

Родительский дом светился пылающими окнами, как новогодняя гирлянда — коих, кстати, было с лихвой навешано на голых ветках садовых деревьев. Смотрелось это угрюмо: тонкие, угловатые, темные палки в окружении мерцающих огоньков — странная попытка оживить то, что всю зиму должно быть мертвым.

Эля вжала ладонь в центр руля, морщась то ли от неприятного звука клаксона, то ли от того, что братец снова игнорировал ее попытки въехать во двор. Бросать машину у калитки не хотелось, а чипа от ворот у нее давно уже не было. Спустя еще минуту тяжелые металлические ставни все же отворились, разрешая Эле вкатиться внутрь, словно она прошла фейсконтроль и была допущена в это святое место. Так уж повелось, что язвить по поводу семьи, их общего некогда дома и всей этой родовой темы разрешалось по большей части только ей: все давно свыклись с ее «дурным» характером и манерой разговаривать, не упуская возможности вставить шпильку-другую.

Пока Эля выбиралась из машины — отстегнуть ремень, снять с держателя телефон, забрать сумку с пассажирского кресла, — ворота за ней закрылись, отрезая от довольно шумного минского пригорода. У нее всегда складывалось именно такое ощущение, с самого детства, словно за периметром их участка идет какая-то другая жизнь, а здесь, у них, и время течет по-другому, и все кажется каким-то отстраненным и не имеющим к миру никакого отношения.

— Привет, — послышался мягкий голос из-за плеча.

— Белка? — Эля уставилась на сестру, словно та как минимум восстала из мертвых, а не смотрела на нее из-под отросших завитков челки. — Тебя сюда каким ветром? Мишка оформил возврат?

— Ох, Элеонора Александровна, — сестра вздохнула, оставляя без ответа последний пассаж. — А сама как оказалась здесь?

— Была недалеко. — Машина отозвалась резким звуком сигнализации, и Эля спрятала ключи в карман. — Домой ехать долго... Уже поздно, а я еще и голодная, как стая гиен!

— Ты надеялась найти здесь еду? — Белка захихикала. — Эль, родители второй месяц как филиал компании открывают бог знает где, а Тёмыч, как ты помнишь, не так уж преуспевает в домашнем хозяйстве.

— Знаю я, в чем преуспевает Тёмыч. Пошли уже, мелочь!

Широкими шагами измеряя дорожку от гаража к крыльцу, Эля смотрела в спину младшей сестре и не понимала, как та оказалась здесь. Они, конечно, все могут приезжать в «родовое гнездо» и оставаться здесь сколько захотят, но у Белки был же-

них — Мишка, с которым они сто лет как жили вместе. Летом ожидалась красивая и мало кому нужная свадьба, все вроде хорошо... Эля оглянулась в поисках машины будущего того-кого-она-не-помнит-как-нужно-называть, но ни у гаража, ни дальше на участке ее не оказалось.

Тёмыч тоже в последнее время был нечастым гостем в этом доме. Он с его барышней — Эля морщилась от этого слова почти так же сильно, как от эпичного и отвратительного «кавалер», но по-другому называть ее не получалось — большую часть времени проводили вместе, периодически искали новое общее жилье — когда не находились в стадии «давай-расстанемся-купи-мне-сок». Видимо, сегодня — как раз один из таких периодов.

Эля представить себе не могла более непохожие друг на друга пары: Тёмыч с его Варей, с их бесконечными американскими горками и стопроцентными эмоциями в любую из сторон, и Белка с Мишкой (тут даже имена как перечень мягких игрушек в детском отделе — нарочно не придумаешь!), с их долгоиграющей историей, взаимопониманием, нежностью и спокойствием. Сама Эля возвышалась над всем любовным многообразием незыблемой глыбой цинизма и недоверия. У нее не было за спиной печальной истории, никаких разбитых сердец — разве что парочка надколотых. Не тянуло ее никогда ни в стабильные отношения, ни в драму — этого сполна раздали младшеньким. Первый блин ее родителей — Элеонора Александровна Стрельцова — вышел саркастичным и не больно нуждающимся в любви комом.

— Так что все-таки случилось? — бросила она в спину сестре, надеясь, что в ответ получит какую-нибудь не слишком

печальную историю: беспокойство скреблось тонкой иголкой где-то в области груди — не зря же они все внезапно оказались в родовом гнезде. Обнадеживало только то, что Белка выглядела вполне спокойной — несчастные люди всегда либо отчаянно горюют, либо прикидываются нормальными. Как правило, последнее выходит у них из рук вон плохо, но все в ответ подыгрывают — так уж заведено.

— Да ничего не случилось, Эль, — вздохнула Белка. — У нас ремонт, пыль там, строители... А чтобы деньги не тратить еще и на временную квартиру, я переехала сюда, а Мишка — к брату. Родители все равно в этой своей длительной командировке, так что я спокойно обитаю тут. Давно уже, кстати, просто ты не сильно вникаешь в наши дела.

— Сделаете вид, что до свадьбы ни-ни? — Эля пропустила мимо ушей упрек: сегодня был тот самый день, когда любая мелочь могла ее добить либо же превратить в остервенелую фурию. И то и другое — так себе ощущения и для нее самой, и для окружающих.

— Даже если бы и хотели, твой длинный язык не позволил бы такой наглой лжи пробиться на свет. — Белка с возрастом училась жалить в ответ — тонко и очень легко, в рамках приличия образцовых дочерей и невест. — Просто немного поживем порознь — я хоть свадьбой займусь нормально, не прячась от Мишки по ночам на кухне.

— А этот? — Эля кивнула в сторону двери, которую Белка вот-вот должна была открыть. — Тоже решил пожить немного порознь со своей?

Белка резко остановила потянувшуюся к двери руку и обернулась к сестре. Ее узкое личико показалось в ворота пальто — обеспокоенное и серьезное.

— У них там все нехорошо... Знаю, ты терпеть не можешь Варю, но прошу: не стеби Тёмыча. И лучше не расспрашивай: сдержать свои комментарии ты все равно не сможешь, а он и так побитый весь какой-то.

— Вот поэтому я ее и не люблю, — Эля зашипела, то ли чтобы Тёмыч не расслышал их разговор, то ли от кипящей внутри злобы, обжигающей язык. — Она с самого начала вела себя как...

— Эля, прошу, — Белка посмотрела на нее так, словно каждое следующее слово могло обидеть ее лично.

— Не лучшим образом. Но ладно, я попробую сдержаться — в дом-топустишь? Или для меня нет места в этом приюте пылающих сердец?

— Ты иногда бываешь такой отвратительной, Эль.

— Иногда? Теряю хватку, мелочь, теряю хватку.

Белка легко впорхнула в дом, на ходу сбрасывая пальто. Тонкая, звонкая, милая, практически идеальная — Эля шутила, что младшая дочь стала для родителей компенсацией за все страдания. Хотя, конечно, Тёмыч тоже вполне правильный и даже менее проблемный, чем она сама. Или просто он лучше маскируется? В общем, в их семье старая присказка про трех братьев — от умного до дурака — сложилась с точностью до наоборот. Эля с какой-то извращенной радостью приняла на себя роль паршивой овцы и старательно поддерживала образ: в свои тридцать с хвостиком совершенно не походила на взрослую и спокойную леди,

как мечталось маме, занималась рекламой и немного писательством, жила на полную катушку и обходила стороной все «надо» и «так принято». Быть неудобной оказалось очень удобно: когда от тебя ничего не ждут и не требуют, это крайне развязывает руки. В случае с Элей — руки, язык и многие другие части тела.

Приглушенный свет прихожей, полочка с домашними тапочками, кованая вешалка с широкой скамьей. Все менялось в этом доме, преобразовывалось, подгонялось под моду и стандарты нового десятилетия, а Эле казалось — ничего не меняется, все родное. Кроме запаха пиццы, который заполнял пространство вокруг, — видимо, мелкие решили не заморачиваться и заказали доставку. И, честно говоря, Эля радовалась такому повороту: еще немного — и она бы принялась сметать все съестное на своем пути.

— Малая, и ты приехала? — Тёмыч по-свойски сгреб ее в охапку. От него пахло сигаретами и морозом: он только что вернулся в дом со двора. Густая борода колола щеки Эли, но определенно придавала брату солидности и какой-то деловитости.

— Надеюсь, тут никого не будет! Когда мы так последний раз сталкивались? На какой-нибудь праздник год назад?

— Вообще-то месяц назад, Эль, когда отмечали нашу помолвку.

«Нашу помолвку». Белка могла сказать «мою», но выбрала это обезличенное приторное «нашу». Словно она уже и не личность вовсе, а так — запчасть от машины имени Михаила Моло-

това. Эля не видела в этом ничего романтического и милого, но делиться наблюдениями с сестрой не стала. Белка с Тёмычем были по другую сторону баррикад — вечно влюбленные, жаждущие состариться с кем-нибудь и всю жизнь использовать общие вещи, мечты и местоимения. Затевать новый спор не имело смысла: все трое выросли одинаково упрямыми и слишком хорошо знали позиции друг друга, чтобы уступить.

— Точно! Ладно, пошли есть, пожалуйста! А то больше все вместе мы точно никогда не соберемся — разве что через три дня на мои поминки.

— Эля! — почти одновременно воскликнули младшенькие, только если Белка вложила в ее имя гнев и усталость, то Тёмыч — снисхождение и немного веселья. Хотя брат мог просто не слышать всей шутки: хорохорился он славно, но постоянно выпадал из реальности. Может, Белка и не замечала всего этого или просто не осознавала, но их брата словно выключили из розетки и существовал он на остатках заряда и плохоньком автопилоте. А значит, все было куда хуже, чем просто «нехорошо».

* * *

— Да положите вы уже свои телефоны, зомби жующие! — Эля недовольно ворчала, вытягивая из коробки очередной кусок гавайской пиццы. — Уткнулись, блин, и молчат.

— А ты прямо поговорить хочешь?

— Да, Тёмыч, хочу.

Нет, Эля не хотела. Она устала на работе, поцапалась с друзьями, послала всех к черту и приехала сюда, ожидая найти полную

тишину и мамины припасы в кладовой. А нашла чуть ли не всю семью, да еще и со своими проблемами. Как раз из-за последнего она и пыталась расшевелить младшеньких, иначе внутренние монстры и непрошенные мысли сожрут их одного за другим. И начнут с Тёмыча — Эля помнила, как все может быть.

— Какие планы на выходные?

Тёмыч скептически покосился на нее, не веря во внезапно вспыхнувшие энтузиазм и интерес.

— На свадьбу мне завтра.

— К кому?

— К другу, Эль. С тобой все нормально? Ты какая-то странная.

— Язвишь — не нравится, пытаешься быть нормальной — не нравится. Мать моя женщина, как же вы достали.

— Мать наша, общая, — поправил Тёмыч и ухмыльнулся. — Нормальность не для тебя, малая. Оставь это Белке.

— А что сразу Белка? Из ваших уст «нормальная» звучит как оскорбление. Я что, не могу быть спонтанной или интересной?

— Мелкая, ты — самая лучшая! — поспешил успокоить ее Тёмыч. — И нормальная — в лучшем значении слова.

— Перевожу: ты спокойная и адекватная, фортелей — как от нас — от тебя можно не ждать, — добавила Эля. — И слава богу.

— Ты не веришь в бога, Эль, — мрачно парировала Белка. — Вот вы вроде пытались меня подбодрить, а ощущение — словно в помоях изваляли. А еще семья.

— Идеальные семьи только в рекламах, мелочь. Это я тебе как рекламщик заявляю. А в жизни — настоящие. Сплошная головная боль, подколы и споры. На том и держимся.

Вечер стремительно исправлялся: они ступили на привычный лед своих странных семейных отношений, заняли давно прописанные роли. После обычно лился поток шуток, устраивались дурачества, сыпались дикие предложения, чем себя занять. Но сегодня все пошло наперекосяк: телефон Тёмыча коротко вздрогнул, по щелчку меняя атмосферу в доме. Брат напрягся, рывком схватил мобильник и уставился в экран, превратившись в сурового взрослого мужчину вместо молодого, вечно задорного парня. Его взгляд бегал по сообщению хаотично — словно он не понимал написанного, перечитывал и перечитывал, стараясь вникнуть и не желая верить. Спустя долгих полторы минуты он зажмурился, видимо, надеясь, что ему просто привиделась какая-то жесть на экране. Открыв глаза, Тёмыч со свистом втянул воздух — как бывает, когда собираешься кричать, — молча встал и, не глядя на сестер, вышел на заднее крыльцо. Эля уловила огонек сигареты через тонкую бежевую штору.

— Я когда-нибудь волосы ей повыдергиваю!

— Думаешь, это от Вари? — Белка отрывала маленькие кусочки от салфетки и выкладывала их узором на столе — она всегда так делала, когда переживала.

— Нет, конечно, это его по рабочим вопросам так размазало за минуту! Белка, ну блин! Эта девка доведет Тёмыча — будет как в прошлый раз!

— Эля, тише. — Сестра с опасением посматривала в окно: не слышал ли их разговора виновник торжества. Эля могла поклясться, что брат сейчас и появления инопланетян не заметил бы.

— Что тише? Ты его видела вообще? — Эля откинула голову на спинку стула и закрыла глаза. — Почему он не может хоть раз влюбиться в нормальную девушку?

— Нормальную — это какую? — перебила ее Белка внезапно холодным ровным голосом. — Тебе самой от своей надменности не тошно, Эль?

— От вас тошно, — парировала Эля, вглядываясь в сестру. Что-то случилось и с ней — за двадцать пять лет Белка впервые так себя вела. Собрались, блин, все вместе. — От таких вот страданий. Хорошо ему сейчас? Что там опять натворила эта дура?

— Это называется «отношения», — устало вздохнула Белка, собирая волосы в хвост. — Всякое случается. Ссоры, обиды — нельзя без них, понимаешь? Хотя тебе проще осуждать с высоты твоего одиночного полета.

— Да, Белочка, мне зашибись в моем одиночном полете с трезвой головой и без желания сдохнуть.

Про два последних пункта Эля нагло врала, но сестре об этом знать не обязательно. Тем более в пылу этой дурацкой ссоры.

Белка с жалостью посмотрела на сестру, потом на силуэт брата за окном и вышла из кухни. Возможно, звонить Мишке — чтобы почувствовать себя лучше. Нормальная защитная реакция — напомнить себе, что ты не одинок, когда плохо кому-то рядом. А может — писать Варе, ведь, в отличие от Эли, Белка общалась со всеми друзьями Тёмыча. Элиными, кстати, тоже. Один из пунктов обязательной программы хороших девочек.

Эля убрала коробки со стола, вымыла посуду, прогулялась по дому, но тревога, поселившаяся в душе в тот самый момент, когда Тёмыч взял в руки мобильный, никак не унималась. Эля вытащила из шкафа папину старую куртку и спустилась на улицу. Брат сидел на лавочке у дома, бессмысленно пялясь в одну точку. У его ног собралась кучка окурков, которые при ближайшем рассмотрении оказались распотрошенными сигаретами — даже неприкуренными. Дело было дрянь.

— Остались еще живые? — Эля рухнула на скамейку рядом с братом, вытягивая уставшие ноги.

— М? — Тёмыч встрепенулся, несколько секунд бегая взглядом то по сестре, то по припорошенному снегом двору, пока суть вопроса продиралась сквозь его невеселые мысли. — Закончились.

— Пали в неравном бою с твоей тревогой, я бы сказала. Подожди, свои принесу.

Эля поднялась, окинула брата взглядом и решила прихватить ему плед потеплее: он почти час просидел на улице, запросто мог свалиться завтра с простудой. И выпить. Чисто из профилактических целей: иногда алкоголь работает временной батарежкой, тем самым слабеньким китайским пауэрбэнком, позволяющим ненадолго встрепенуться и выговорить все, что накопилось.

Уже через пять минут они делили зажигалку и пили коньяк из толстых широких стаканов — рюмки к этой патовой ситуации не подходили ни по каким канонам.

— Залезла в отцовские запасы?

— Обижает, — хмыкнула Эля в ответ. — У меня тут свои запасы имеются. Даже не спрашивай где — на то они и спрятаны, чтобы доставаться по крайне нужным случаям.

— А что сегодня за повод? — поинтересовался Тёмыч, то ли настолько потерявшись, что даже не заметил, как дал отмашку на все расспросы, то ли действительно позволяя сестре всунуть свой нос в его дела.

— А это ты мне расскажи, что сегодня за повод.

— Да нормально все, — вяло отмахнулся брат, и Эля медленно повернула голову, давая ему возможность рассказать все самому. Шанс остался неиспользованным.

— Ты Белке эту дичь можешь рассказывать или Варе своей. Нормально сейчас может быть только в том случае, если это твой клон или проекция, и тогда да, нормально, неплохо сработано. На тебя настоящего вот эта кучка... невеселого вещества мало похожа. Так что, Тёмыч, давай, колись — видишь, сама судьба привела меня сегодня домой.

Брат немного помолчал, распотрошил брюхо недокуренной сигареты. Лучше Минздрава работает, ей-богу! Тишина стояла непривычная. Обычно то у соседей гремит музыка, то у них самих веселье на полную катушку, а тут все застыло, замерло так, что дышать стало боязно — не спугнуть этот сонный покой.

— Мы с Варькой разошлись.

— Да ладно?! — наигранно удивилась Эля. — Вот сюрприз-то! Тёмыч, это я поняла еще по первому взгляду на тебя. А с учетом того, что погода меняется реже, чем вы разбегаетесь, это вообще ни разу не сюрприз.

— Есть такое, — смиренно согласился Артемий, усмехаясь. Щеки — те островки, что не заросли густой, темной, с рыжеватыми вкраплениями бородой, — покраснелись, оживляя общий вид брата. Эля чувствовала, что ее собственное лицо тоже наливается краснотой.

— Но ни одно ваше расставание так не выбивало из тебя дух.

— Она с другим... живет.

Нервный смехок вырвался из груди Элеоноры быстрее, чем она успела его остановить. Варя и без того не была у нее в почете, но с каждой минутой сегодняшнего вечера желание как следует навалить этой неадекватной барышне росло в геометрической прогрессии.

— Давно?

— Недели две.

— А разошлись вы?

— Примерно тогда же.

— Вот дрянь! Тём, прости, конечно, но в какой вселенной это — нормальное поведение? Это... даже у меня в голове не укладывается, вообще никак!

— У меня тоже.

Эля, конечно, всегда знала, что за своих — порвет. Но сейчас она отчетливо понимала, что это не просто слова: она хотела найти эту идиотку и разорвать на куски, чтобы только не слышать мрачную глухоту в голосе брата.

— Вы виделись?

— На днях. Тут, на районе. Они живут в паре остановок...

— И ты ее встретил случайно? Тёмыч, тебе нужно отпустить все и не видеться с этой...

Эля могла еще много чего сказать и посоветовать, но разве нужны были Тёмычу советы? Разве он сам не понимал, что история разваливается на глазах?

— Мы завтра договорились встретиться.

— Зачем? Ты совсем больной, Тём? Тебе на свадьбу завтра — вот и иди себе!

— Из-за свадьбы и встречаемся.

— Только не говори, что ты ее потащишь туда! Если тебе очень нужна пара, то я с удовольствием...

— Остынь, Эль. У Вари мой костюм — мне нужно забрать его.

— И только?

Они оба знали ответ. Костюм, зарядка для мобильного, любимая чашка, наушники — без разницы, какой будет повод для встречи. Ни один десяток сообщений, ни сотни звонков — ничего не стоит одного короткого момента, когда можно взять человека за руку, посмотреть в глаза, почувствовать, есть ли что спасти, есть ли ради чего хранить наушники, чтобы встречаться, и встречаться, и каждый раз забывать их отдать.

— Ничему тебя жизнь не учит, Тём, ничему. — Эля одним глотком прикончила коньяк в стакане и поднялась на ноги. — Пошли спать. Завтра свадьба, костюм, день новый придет.

— Я еще посижу, — не глядя на сестру, откликнулся Тёмыч. Он вообще весь разговор лишь на секунды выныривал из своих тяжелых дум, чтобы ответить на вопросы.

— Ага, точно! И найду я тебя тут утром — застывшего во всех смыслах слова. Пошли, Хьюстон самодостаточный.

— Почему Хьюстон?

— Потому что, Тём, ты — как и я — вечная проблема. Только если я — проблема родителей, друзей и порой заказчиков, то ты — сам себе. Поэтому — самодостаточный Хьюстон.

Эля впустила брата в дом, забрала у него куртку и стакан, отвела в комнату — как в детстве, когда они заигрывались до степени усталости «засыпаю-где-стою». Тогда их главной проблемой было, чтобы родители не заругали, теперь же — чтобы удавиться хотелось не настолько сильно, дабы воплотить желание в реальность. Вроде взрослая жизнь не такая уж и паршивая штука, но временами ответы растворяются в фонарном тусклом свете и остаются одни вопросы, бесконечные звенящие вопросы, которые сводят с ума и вытягивают из тебя жизнь с каждым твоим вдохом.

* * *

Утро обрушилось на Элю всей тяжестью бытия. Сон был прерывистым, кошмары смешались с переживаниями за брата — и, открыв глаза, Элеонора почувствовала себя еще более уставшей, чем накануне. Даже привычная обстановка комнаты не приносила теперь спокойствия и ощущения безопасности. Нужно было вставать, тем более снизу доносился голос Тёмыча — раздраженный и чуть более громкий, чем следовало.

Эля потянулась до хруста в позвоночнике и поплелась вниз. На стене вдоль лестницы висели их семейные снимки. Маленькая

Белка — с бантом больше головы и без переднего зуба. Вокруг ушей и у лба вьются короткие мягкие локоны — она и сейчас такая же, разве что зубы все на месте да вместо бантов — повязки и очки. А вот этот невесомый пух так и обрамляет ее светлое, открытое лицо — детское, усыпанное веснушками вокруг острого маленького носика. Ей словно всегда семнадцать, даже если уже двадцать пять и три месяца сверху.

На другом фото они втроем — года три-четыре назад, на выпускном Белки из университета. В центре — виновница торжества в платье, которое сама и сшила, а по бокам — они с Тёмычем. На снимке заметно, как похожи сестры: у Эли тогда были волосы до лопаток, как у Белки, а не почти мальчишеская стрижка с игривым удлинённым верхом, чтобы укладывать его роковой волной или спускать на глаза растрепанной челкой. Она стоит чуть ссутулившись — рост по праву первенства достался именно ей. А еще вздернутый нос и слегка великоватые уши — с новой прической правда смотрятся хорошо, тут уж грех жаловаться. Эля вышла чуть смуглее сестры и немного женственнее: Белка своей воздушностью всегда напоминала о ранней юности, а вот она — худая, высокая и сероглазая — о молодости, граничащей со зрелой женской красотой. Тёмыч же пошел в отца: узкими глазами, коренастым сложением и привычкой поправлять очки указательным пальцем — по поводу и без, словно это базовая функция в их жестикуляции.

Эля засмотрелась на фото, прокручивая в голове все эти сравнения и описания — дурацкая писательская привычка даже внутренний монолог выстраивать так, словно сочиняешь оче-

редную историю. Пытаясь взбодриться, она растрепала волосы, почесала нос тыльной стороной ладони и припустила вниз — Тёмыч все еще изливал свое недовольство по телефону.

Белка готовила завтрак — свежая, летающая по кухне, словно только приехавшая из недельного спа.

— Что там? — Вместо приветствия Эля кивнула в сторону гостиной, откуда доносился голос Тёмыча.

— Слышала что-то про доставку — видимо, с кем-то из своих подчиненных разговаривает. Ты же знаешь, Тёмыч все время что-то совершенствует и пробует.

Эля знала. Она как-то помогала с раскруткой Тёминых сервисов: брат имел удивительную способность превращать любую вспыхнувшую идею в реальный проект, будь то сервис печати, какое-нибудь заведение или служба доставки.

— Белка, кофе в этом доме есть? Умру же без него.

— Ты слишком часто собираешься умирать, Эля. А кофе уже сварен — хоть налить сама сможешь?

— Иногда я думаю, что старшая у нас — ты! — Элеонора чмокнула сестру в макушку, достала из шкафчика самую огромную чашку — это явно была супница, но когда ее заботили такие мелочи? — и двинулась к кофеварке.

Белка переворачивала на сковороде банановые панкейки, и Эля порадовалась, что сестра временно обитает здесь, иначе готовить пришлось бы ей. Не то чтобы она не умела или не любила это дело — по правде, ей просто было лень торчать у плиты. Иногда на Элю находило кулинарное вдохновение и она радовала себя каким-нибудь интересным блюдом, но сейчас она

хотела доделать презентацию для ненавистного проекта, дописать главу своего рассказа, съездить в спортзал — в общем, что угодно, но только не готовить.

— Доброе утро, — прозвенел голос Белки за спиной, и Эля догадалась: Тёмыч показался на кухне. Вернее, его мрачная тень: брат выглядел еще хуже, чем вчера. Она бы даже сказала, что краше в гроб кладут, но тонкий голосок Белки в ее голове напомнил, что лимит шуток про смерть на ближайшие сутки исчерпан. Пришлось довольствоваться нелитературным «хреново». — Что там с доставкой? Курьеры тупят?

— Я туплю, — то ли огрызнулся, то ли снова пропустил входную реплику мимо ушей. — Варя отправила костюм курьером.

— Твоим? — зачем-то уточнила Эля, словно это важно.

— Моим, — мрачно подтвердил Тёмыч. — Стоило создавать эту проклятую доставку, чтобы заменять ею реальные встречи.

— Может, и к лучшему, — Эля попыталась его подбодрить. — Забей ты сегодня на это — тебе на свадьбу идти, включайся скорее. Зуб даю, что тебя позвали только потому, что тамада отказался, а веселить народ кому-то надо.

— Тогда это будет крайне печальная свадьба.

Тёмыч не подхватил шутку. Не съязвил в ответ. Не хохотнул, довольно протянув: «А то!» Дело было даже не дрянь — дело было совсем труба.

— А вот и костюм... — По дому разлетелась какая-то отвратительная мелодия — родители не так давно сменили звонок, и Эля впервые слышала эти трели. — Хорошо работают, черти, быстро.

Пока Тёмыч выходил к калитке навстречу курьеру, Белка с Элей успели обсудить ситуацию. Преимущественно — матом. Даже Белка. Они не знали, что делать, ведь нельзя помочь человеку насильно, открыть глаза, объяснить, показать, если он не хочет всего этого. А Тёмыч не хотел. Эля отхлебнула кофе и кожей почувствовала неладное. По внезапной тишине, по напряжению в воздухе, по судорожному вдоху Тёмыча, за которым почему-то не последовало выдоха. Она ринулась в прихожую, отмечая, что Белка рванула следом — тоже ведомая странным горьковатым предчувствием.

Тёмыч стоял посреди комнаты, у ног его текстильной лужицей распластался костюм, наполовину вылезший из кофра. Но смотрел брат не на часть своего гардероба, а на что-то маленькое, поместившееся между указательным и большим пальцами. Что-то блестящее и круглое, как...

— Кольцо? — Белка оказалась глазастей. — Оно откуда тут?

Эля расхохоталась — резко, беспричинно, отрывисто. Вот тут быстрее отреагировала она, сложила все части этого сдвинутого пазла: состояние Тёмыча, его полное онемение, кольцо в руках, которое появилось тогда же, когда и костюм от Вари.

— Только не говори, — хватая ртом воздух, произнесла она, — что ты сделал ей предложение?

Тёмыч не ответил. Он все так же пялился на это чертово кольцо, словно ждал, что оно заговорит, объяснит наконец, что за хрень происходит.

— Да ладно?! Вот же сука! — в сердцах почти прокричала Эля. Варя отказала Тёмычу.

Она вернула кольцо.

Без объяснений, без предупреждений, без оправданий.

Она вернула кольцо курьером службы доставки, хозяином которой был сам Тёмыч.

И это самое отвратительное «нет», которое Эля только могла представить.

Медленно вниз, голос негромко,

Тающий пульс из-под обломков.

Знаешь, мечта рвется, где тонко...

Так всегда...

© J: МОРС — Не умирай

Дождать, верни рок и вселенский баг

Каждый отдельно взятый мир состоит из привычных вещей: чистить зубы нужно три минуты, любая самая нелепая идея может оказаться хорошим решением, полочка для обуви удобнее справа от двери. Ты всегда четко понимаешь, кто ты в мире в целом и в отражении по утрам точно. Ладно, может, не так уж и четко, но ощущаешь себя довольно понятным существом — с потребностями, ролями, мнением и еще бог знает с чем.

Когда Тёмыч узнал, что Варя живет с другим, его мир перестал существовать как явление. Остался невнятный чертёж, на котором привычные вещи больше не просто не имели смысла, а вовсе не существовали. Огромный вселенский баг в одной отдельно взятой жизни. И Тёмыч пытался его пофиксить — по привычке или из упрямства, кто ж разберет. Была у Тёмыча такая черта характера — неоднозначная, но срабатывающая всегда: если ему что-то нужно, если он чего-то очень хочет, он обязательно «дождет» человека, не отступит. Варю он тоже своего рода «дождал», потому что влюбился без памяти. Любовь не выбирают, не подстраивают расписание под нужную дату, и Тёмыч тогда — при первом знакомстве с Варей — не искал

чувств и отношений. В его сердце еще были живы чувства к бывшей девушке — Кате.

Они с Катей встретились на квартире друга — что-то безудержно вместе праздновали. История на один вечер внезапно переросла в серьезный роман и не менее серьезные последствия. Катя — страстная, сильная, бесконечно женственная и нежная — ушла от Тёмыча так же внезапно, как появилась в его жизни. Он пытался все исправить: спонтанными сюрпризами, отчаянной заботой и разговорами. Исправить не удавалось, а вот погрязнуть в безответных чувствах — это с лихвой. Тёмычу все казалось, что не может быть другого исхода, кроме как их с Катей счастливое воссоединение, ведь он любил ее и в мире не существовало больше девушек, которые могли настолько запасть ему в душу. Тёмыч не просто песни и поступки посвящал Кате, он, казалось, посвятил ей все свое существование. Нет, не превратился в крипового преследователя или сумасшедшего бывшего. Но все друзья и близкие знали: где-то на фоне всегда есть чувства к Кате. Уже и забылось и стерлось из памяти, ан нет — вот всплывают в сети фотографии внезапных букетов и ростовых кукол, чтобы Катя улыбнулась. Так живут чувствами великие художники или музыканты, а Тёмыч... Он слыл человеком-оркестром, который и в музыке понимал, и словесно одарен оказался, и в бизнесе всегда умел разглядеть достойный стартап. Тёмыч — сказали бы про него друзья — человек широких взглядов, широкой души и не менее широкого эмоционального диапазона, в котором он бесконечно мотался из стороны в сторону.

Так вот, когда Тёмыч встретил Варю, Катя все еще была незримым спутником его будней. Всплывала в беседах с общими друзьями, случайно зазвучавшей песней в такси, бессердечными напоминаниями от соцсетей, мол, ровно три года назад в этот день... Ровно три года назад в этот день Тёмыч переживал огромное теплое счастье, строил планы и не подозревал, что им не суждено будет осуществиться. Через несколько месяцев Катя ушла от него, а все эти три года он тешил себя надеждой — прозрачной, глупой, но такой привычной: он дожмет, вернет и будет снова счастлив.

Ничего из этого не случилось. Было много разного: новые интересы и планы, новые люди, стертые из жизни недели и вздым разбитое сердце, пронзительные тексты и музыкальные импровизации — жизнь-тусовка-без-остановки. Такая, на которую можно прийти абсолютно размазанным и потерявшим смысл, на которой обсуждаются важные дела и даже заключаются хорошие сделки. Так Тёмыч и жил после Кати, вернее, «с Катей на фоне». Кроме прочего, погрузился в музыку, продвигал фанк-группу друзей, писал свои тексты для фитов и внезапно решил учиться вокалу. Конечно, отсутствие музыкального образования никогда не мешало Тёмычу проникновенно петь у костра или влетать на сцену на концерте знакомых музыкантов, но как-то хотелось все красиво обставить, развить и чувствовать себя максимально уверенно у микрофона.

Спроси сейчас, Тёмыч явно проклял бы то спонтанное желание учиться петь. Обратился бы за советом к друзьям, выбрал бы онлайн-занятия или вовсе репетитора на другом конце города.

Но полтора года назад он вошел в стены студии «Джем» и запустил череду событий, что привела его в эту точку. В утро, когда в его руках оказалось кольцо и прежний мир перестал существовать.

«Джем» казался живым организмом — не привычным набором помещений, где занимаются вокалом, а именно атмосферным убежищем от реального мира. Туда приходили как домой: распеваться или подбирать аккорды, пить чай, обсуждать интересные вещи и делиться самым сокровенным — эмоциями. Тёмыч ощутил все это, едва переступил порог, придя на пробное бесплатное занятие. Такие места окутывают атмосферой, переключают тебя на нужную волну, настраивают мягкой улыбкой педагога по вокалу...

— Варя, — представилась улыбка, и Тёмыч оторопел.

— Артемий, — улыбаться в ответ выходило само собой, словно включился какой-то странный, давно забытый режим. — Но лучше Тёмыч.

— А я думала, сейчас прозвучит «АС». — Варя покачивалась на пятках, будто прямо среди осеннего Минска у нее был свой личный теплый прибой. Тёмыч слегка подвис, хотя, конечно, не первый раз его инициалы — Артемий Стрельцов — сокращали до звучного и хлесткого АС.

— Не на этой территории. Странно называться асом, когда пришел учеником к профессионалу. А Тёмыч — универсальное и мое.

— Ладно, Тёмыч, — Варя приняла правила игры, — начнем с опроса.

Разговоры были главным козырем Тёмыча. Он знал, что способен понравиться всем — от детишек до строгих бабулечек

советской закалки, — но нужны время и тема для беседы. Его харизма раскрывалась через слова, интонации, емкие фразы и внезапные шутки. И процентах в девяноста пяти собеседник оказывался очарован и с нетерпением ждал следующей возможности поболтать. Пять процентов Тёмыч всегда закладывал на погрешность — ничего абсолютного не бывает.

— Может, выпьем кофе где-нибудь?

Если что-то пришло в голову — нужно делать. Чем дольше ты что-то обдумываешь, тем больше сомнений и меньше интереса получаешь в итоге, а значит, возможность осуществления задуманного стремится к нулю. И раз уж Варя так легко очаровала его, стоило продолжить знакомство. Внутри барахталось непонятное влечение — сродни наваждению, и Тёмыч не желал упускать эти яркие эмоции.

— Я не пью кофе с учениками, — Варя отказала легко, без секундного колебания, словно не первый раз отшивала влюбленных учеников. Хотя почему словно? Тёмыч готов был руку на отсечение дать, что у нее не было отбоя от приглашений на свидания и намеков на продолжение.

— Это твое правило?

— И исключений в нем нет. Я замужем, — тут же оборвала логическую цепочку Варя, не дав Тёмычу даже шанса на флирт. — До встречи в субботу.

Ему бы отступить, внять понятному и простому отказу, но Тёмыч, выходя из студии, думал только о том, что задачка будет сложной, а значит, интересной. Все именно так, как он и любит. Варя зажгла в нем первую лампочку во внутренней гирлянде

счастья — и он не мог упустить возможность воскресить в себе весь этот теплый, мягкий свет. Это означало одно: он будет добиваться Варю любой ценой. Почти как у Маяковского: «Я все равно тебя когда-нибудь возьму — одну или вдвоем с Парижем». Варя не была в Париже, Варя была замужем — и это обстоятельство могло сыграть куда более злую шутку, чем границы и стоймость перелетов по Европе. Но как учили герои одного советского фильма: «Вижу цель — не вижу препятствий!» — Тёмыч тоже не видел ничего, кроме новой знакомой, потеснившей в его голове Катю.

* * *

Тёмыч поменял положение скорее рефлекторно — рука затекла и начинала внутренне гудеть, но его это мало волновало. Его в принципе мало что волновало теперь.

— Тёмыч, — в комнату заглянула Эля. — Тебе собираться пора.

Голос сестры звучал непривычно тихо и тактично. В другой ситуации его обязательно покорибила бы жалость, тем более от Эли, но сегодня Тёмычу было все равно.

— Хьюстон, тебе на свадьбу! — Кровать, на которой он лежал, прогнулась под весом Эли. — Не позволяй одному поступку этой... лишить тебя всего.

Тёмыч упрямо молчал. Чтобы ответить, нужно было думать, собирать слова в предложения, функционировать, в конце концов. А хотелось только исчезнуть. Эля, к сожалению, могла за просто потягаться с ним в упрямстве.

— Отложи свою скорбь. Представь, что этого еще не случилось — просто плохой сон, не знаю... Твои друзья позвали тебя, потому что ты им важен и нужен. Сделай это для них — они точно не заслужили внезапного молчаливого исчезновения. И себя заодно отпусти — это же свадьба! Пей, пой, танцуй с красивыми девушками — выпусти эмоции, пока они не сожрали тебя. И кого-нибудь в придачу.

Дру-зья. Дру-зья. Дру-зья.

Слово ворочалось в голове, отскакивало от черепушки с гулким эхом. Тёмыч всегда был «про дружбу». От детских клятв до взрослых спонтанных знакомств он честно следовал всем заветам дружбы: не предавать, не забывать, разделять печаль и радость... Вот с последним он сейчас и собирался прокатить хороших людей, которые, к слову, ни в чем не виноваты. Тёмыч не был уверен, что его потерянная рожа сможет украсить свадьбу, а не наоборот, но не пойти не мог.

— Ладно, — пробурчал он в нутро подушки, но Эля разобрала.

— Он еще и одолжение делает! — прошипела она недовольно. — Иди в душ, мы с Белкой костюм подготовили. И даже цветы заказали! С тебя — собрать себя в кучу и доехать.

Эля, уходя, не то чтобы хлопнула дверью, но закрыла ее с уверенным коротким стуком, словно поставила точку в дискуссии и запустила отсчет времени. Тёмычу ничего не оставалось, как грудой костей и кожи сползти с кровати и, выбирая зигзагообразную траекторию, направиться в ванную. Душ немного взбодрил тело, но туман в голове не рассеял. Тёмыч вернулся в комнату,

беспомощно шаря взглядом в поиске моральной опоры, но сфокусироваться ни на чем не удавалось. Белый шум расплзался от ушей, застилал глаза пеленой. Нужно было как-то вернуться в жизнь, хотя бы на день, хотя бы искусственно. Тёмыч оперся рукой о стол и под ладонью оказалось что-то мешающее. Мелочь, которая мгновенно ударила под дых одним своим существованием. Злосчастное золотое кольцо, которое словно назло попало под руку — в прямом смысле.

— Поступим по методу Эли. — Голос звучал отвратно, но Тёмычу очень хотелось хоть как-то разрушить гнетущую атмосферу. Он взял кольцо двумя пальцами и открыл шкаф. Отвернулся, наугад нащупал карман, даже не разбираясь, чего именно, и разжал пальцы. Дальше дело оставалось за малым — закрыть двери, подавить желание все же найти тот самый карман и утихомирить колотящееся сердце.

Все. Не было никакого «нет», никакого кольца и уж тем более предложения. Они с Варей просто поссорились — обычная бытовуха, временные трудности и суета. Он отгуляет свадьбу и со всем разберется: дождет, исправит, вернет. А пока следовало надеть костюм, взять в охапку букет, купленный сестрами, и вызвать такси до загородного клуба, где уже собирались гости.

Тёмыч где-то прочел, что на чужих свадьбах острее всего ощущаешь свое одиночество. Особенно на счастливых чужих свадьбах. Эта, бесспорно, была счастливой: всегда заметно, когда люди подходят друг другу. Они складываются вместе, как кусочки мозаики — разные, по-своему угловатые, даже цвета могут совпадать лишь сотой долей поверхности, но картинка все